

Без итальянского багета

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ВЫСТАВКЕ

Нечто новое, хотя и не слишком заметное, входит сегодня в культурную жизнь нашей столицы. По мере того, как в самых известных и посещаемых выставочных залах ширится вал экспозиций сугубо коммерческих, все более прямо и откровенно потрафляющих вкусам потенциального или гипотетического покупателя, площадки, организованные на не столь уж и бойких местах, все чаще теперь предлагают искусство иного характера.

Татьяна РЫХЛОВА

Вот свежий пример. В помещении Болгарского культурного центра, что на Ленинградском проспекте, развернута выставка, открытая, в сущности, лишь посетителям этого специфического учреждения, приглашенным гостям и случайным прохожим, привлеченным неброской афишей. Или фамилиями экспонентов, возможно, запомнившимися где-либо прежде. Между тем выставка любопытна.

Имена авторов — Мара Даугавиете и Георгий Уваров. Это московские живописцы, когда-то довольно заметные на так называемых "молодежках" — особенных выставках или даже своеобразном явлении нашей культуры 70–80-х годов, которое, можно сказать, формировало лицо поколения, как раз в эти годы входившего в творчество. Поколение это позднее оказалось как будто в тени — не то, что его достижения перекрывались исканиями более юных, просто они, достижения, принципы и основания располагались весьма далеко от начал конъюнктуры, по преимуществу лишь потребительской. Как бы наследуя от воспитателей и предшественников активность гражданской позиции и, с другой стороны, интерес к профессиональной традиции как таковой, эти художники — не экспоненты, а те, с кем они начинали, — в массе своей были просто не приняты рынком. Новоиспеченному человеку с рублем или долларом они виделись непонятными и "некрасивыми", покупателю западному — слишком отличными от международных стандартов. И какое-то время назад можно было подумать, что это искусство вослед многим причудам советской эпохи ушло в невозвратное небытие.

Но вот — Даугавиете. Десяностые годы. На выразительных, сильных картинах, к примеру, Москва. Однако не та, что является себя на обложках рекламных журналов, не глянцева или подсвеченная, а та, от которой все мы, относительно благополучные, чаще всего отворачиваемся. Вернее, хотим отвернуться и все же не можем. Москва перепутанных планов и скользящих, дерганных ритмов. Москва утомленных, уставших людей. Та Москва, что в общественном транспорте, в переходах подземных, забитых старухами, продающими что-то последнее, ворами, торговцами по мелочовке, бомжами, калеками, нищими, пьяными "в усмерть", та Москва, от которой, и правда, шарахаешься, страшаешься, а вдруг и тебя не минует когда-нибудь чаша сия, пред-

стающая ныне в такой обнаженности рядом с безудержной роскошью жизни везунчиков от конъюнктуры.

Художница не любит грязь — отнюдь! — и не опускается в грязь, выступая "от имени" дна, она лишь не может пройти мимо грязи и боли. Она даже честно пытается найти обходные пути и при этом находит их вовсе не там, где витрины подсвечены яркими лампами по международным стандартам, но через свет чистоты отношений душевных, через семейные ценности, через нечто извечное и дееспособное на всех ступенях общественной лестницы. Увы, эта альтернатива не материальная — нравственная, то есть из тех, что особенным спросом сегодня как будто не пользуются...

Альтернатива Уварова — того же порядка. Но сходство не в том, что и он обращается, скажем, к теме семьи — нет, в семейном тепле и покое он видит возможность сосредоточения. Семья здесь не столько объект постижения, сколько условие творчества, окруженного пониманием близких. И, возможно, лишь так, без погони, допустим, за быстрым успехом открываются в жизни основы гармонии. А она, в свою очередь, предстает порой вовсе не броским, но весьма и весьма многомерным явлением — нередко мучительным для постижения, но всегда возвышающим нас над обыденностью.

Для живописца обыденность эта становится только лишь поводом. В интерьерах, пейзажах, портретах уваровских, в его жанрах на очень простые сюжеты налагается поиск по преимуществу колористический — именно в ценностях живописи, неизбывных и вечных, и даже в одном лишь бескомпромиссном стремлении к живописной культуре видит художник аналогию с ценностями нравственными, общежитскими.

Впрочем, выставка именно этих художников — тоже всего только повод. Речь лишь о том, что коммерческий вал, захлестнувший престижные залы, выгодно расставив свои побрякушки на самых парадных прилавках искусства и даже вполне достигая тех целей, которые выдвигают тут основными — целей дохода и прибыли, — тем не менее, вовсе не стал для нас чем-то единственным и окончательным. Даже при том, что в иных вариантах коммерции, в угоду заказчикам как бы державным, подчас попирается то, что обычные люди считали святынями.

Да, на картинах, допустим, подобных описанному, серьезно не заработаешь. Это видно — итальянский багет здесь художникам

не по карману. Вместе с тем можно так же понять пресловутого человека с рублем — ему нужен как раз "итальянский багет", нечто престижное, модное, яркое. Но никак не картинки про бедных и не упражнения в тонкостях сдержанного колорита. А впрочем, и бедный желает иметь для квартиры иное. Но все дело в том, что спрос на искусство бывает не только коммерческий.

И, видимо, никуда оно не подевалось, не исчезло — все то, что от века питало серьезное наше искусство. Надежда его адресата (а не "потребителя" — разница есть!), что кто-то талантливый, чуткий заметит и боль, и страдание, осознает и выразит нравственную проблематику времени, еще и еще раз напомнит о том, что вокруг существуют действительно непреходящие ценности, — вот эта надежда и есть совершенно особенный спрос. Духовный и — извините, читатель, за столь уж немодное слово — общественный. Он никак не какой-то "советский", он вечный и он не может исчезнуть.

А новизна ситуации в том, что он ныне иначе, чем прежде, удовлетворяется. Сегодня отнюдь нет гарантий, что, придя в официальное, традиционное место общения с миром искусства, обязательно встретишь что-либо достойное. Нет, бывают, конечно, и тут превосходные выставки, но порой они видятся лишь исключениями. Зато теперь можно увидеть глубокое, страстное, очень серьезное творчество там, куда ходят немногие, и выставки этого плана порой нужно долго разыскивать. Но они есть — вот, что важно!

Стали другими и сами условия творчества. Заработать искусством вне связи с коммерцией сегодня почти невозможно — иные приносят тут в жертву искусство. А иные находят альтернативные способы заработка — пусть минимальные (Уваров, к примеру, преподает), но позволяющие ощущать себя независимым в творчестве. И опять-таки важно, что ныне, когда отношения рынка уже как бы стали привычными, в практику наших художников, словно всему вопреки, возвращается творчество, которое до последнего времени — и, собственно, весь период реформ — казалось никем не востребованным.

Это не значит еще, что наши художники уже приспособились к рынку, но это необходимо заметить не только как фактор искусства. Не так уж существенно, что экспозиция на Ленинградском проспекте не поражает обилием неоспоримых шедевров. Не так уж существенно, что выбран, возможно, случайный пример, — можно было писать о других экспозициях (что, кстати, уже практикуется нашей газетой). Существенно то, что за этими выставками, за фактами их возрождения, пусть даже достаточно редкими, ощущается то, что здесь названо спросом, дадим от спроса коммерческого. А раз есть этот спрос, раз он побуждает художников к очередным предложениям — значит, мы, зрители, люди, вообще остаемся людьми, значит, не все еще нами потеряно.